

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г37

Серия «Эксклюзивная классика»

Frank Herbert
DUNE: MESSIAH

Перевод с английского *Ю. Соколова* под редакцией *П. Вязникова*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *Е. Фerez*

Художник *Д. Андреев*

Печатается с разрешения Herbert Properties, LLC
и литературных агентств Trident Media Group, LLC
и Andrew Nurnberg.

Герберт, Фрэнк.

Г37 Мессия Дюны [фантастический роман] / Фрэнк Герберт ; [пер. с англ. Ю. Соколова] — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-103745-1

«Мессия Дюны» — вторая книга культового сериала Фрэнка Герберта. В стане недовольных политикой Пауля Атрейдеса, императора всей известной Вселенной, зреет заговор. Но как осуществить его, если император наделен провидческим даром?..

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Frank Herbert, 1969
© Перевод. Ю. Соколов, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пауль Муад'Диб, Император-ментат, и сестра его Алия окружены таким количеством легенд, что под покровом их трудно разглядеть живых людей. Но в конце концов существовал же мужчина по имени Пауль Атрейдес и женщина, звавшаяся Алией. И они жили и совершали поступки в пространстве и времени. Пусть пророческие способности уводили их обоих за пределы привычной людям Вселенной, все равно они принадлежали к числу людей, и случившиеся с ними реальные события оставляли реальный след в реальной Вселенной. Чтобы понять Императора и сестру его, придется усвоить, что падение их стало бы катастрофой для всего человечества. И поэтому эта работа посвящается не Муад'Дибу, не Алие... она посвящается их наследникам, — всем нам.

(Посвящение к Изречениям Муад'Доба, скопированное с Мемориальных таблиц
Культы Духа Махди)

Время правления Муад'Доба породило куда больше историков, чем любая другая эра в истории человечества. Некоторые из них противились иступленному сектантству. Но нельзя отрицать — человек этот пробудил религиозное кипение на многих мирах.

Конечно же, именно судьба его воплотила в себя ход истории, со всеми идеальными и идеализированными моментами. Человек, которого звали Паулем Атрейдесом, принадлежал к древнему и великому роду. Он обладал глубочайшими познаниями в прана-бинду; мать его, леди Джессика, обучила сына всему, что знают сестры Бене Гессерит — в том числе тщательнейшему контролю за нервами и мускулами. Более того, его воспитали ментатом, а значит, интеллект его превосходил все возможности греховных компьютеров, которыми пользовались древние.

И все же в первую очередь Муад'Диб был Квисатц Хадерах — в нем достигла своей вершины генетическая программа, на которую Сестры потратили тысячелетия.

И этот Квисатц Хадерах — тот, кто мог присутствовать «сразу во многих местах» — пророк, через которого сестры Бене Гессерит намеревались управлять судьбами рода людского... этот человек стал Императором Муад'Дибом и взял в жены дочь побежденного им Падишах-Императора.

Поразмыслите над парадоксом — миг высшей славы уже таит в себе грядущее падение. Вы читали труды историков и представляете последовательность фактов. Вольные фримены Муад'Дибана наголову разбили войско Падишах-Императора Шаддама IV. Они взяли верх над его личной гвардией — сардаукарами, над союзными силами Великих Домов, над войсками Харконненов и наемниками, оплаченными Ландсраадам. Муад'Диб сумел поставить на колени Гильдию Космогации, а потом

возвел свою сестру Алию на престол духовной власти, которую сестры Бене Гессерит давно считали своим наследственным достоянием.

Он сумел сделать все это, но не только это.

Квизарат Муад'Диб раздул пламя религиозной войны на всю Вселенную. Да, джихад полыхал целых двенадцать лет, но по истечении их фанатики Муад'Диб покорили его власти чуть ли не все человечество.

Все это стало возможным лишь потому, что власть над Арракисом — эту планету чаще называют Дюной — позволила новому Императору овладеть предельной ценностью империи: гериатрической Пряностью, или меланжей... ядом, дающим жизнь.

Вот вам один ингредиент идеальной истории — вещество, что противодействует времени. Нет меланжи — и сестры Бене Гессерит уже не способны проявлять свою власть над человеческой психикой, над человеком. Нет меланжи — и Гильдия Космогации не в силах водить корабли через пространство. Нет меланжи — и миллионы и миллионы подданных империи умрут без привычного дурмана.

Без меланжи не мог пророчествовать и сам Пауль Муад'Диб.

Теперь нам понятно, что миг наивысшего взлета уже предвещал падение. И ответ неизбежен: точное и всеобъемлющее знание будущего сулит смерть.

В разных исторических трудах вы прочтете, что Муад'Диб пал жертвой заговора, объединившего

Гильдию, сестер Бене Гессерит и сведущих в науке, но аморальных Бене Тлейлаксу, прибегнувших к помощи лицеделов. Кое-кто во всем обвиняет шпионов в окружении Муад'Дибя. Многие кивают на Таро Дюны, так помешавшее провидческому оку Муад'Дибя. Иные доказывают, что Императора вынудили прибегнуть к услугам гхолы — трупа, которому была возвращена жизнь, чтобы погубить Муад'Дибя. И забывают, что этим гхойлой стал Дункан Айдахо, приближенный Атрейдесов, погибший, спасая жизнь юного Пауля.

Кое-кто обращается к каббале Квизарата, возглавлявшегося Корбой Панегиристом. Шаг за шагом раскрывают они план Корбы, возжелавшего сделать из Муад'Дибя мученика и возложить вину за это на Чани — фрименку-наложницу Императора.

Разве можно подобными методами объяснить все известные факты? Нельзя! Только учитывая смертоносную природу пророческого дара, можно понять истинную причину падения такой огромной и зоркой силы.

Будем же надеяться, что настоящее откровение послужит уроком новым историкам.

Бронсо Иксианский. Анализ истории Муад'Дибя.

*Между людьми и богами нет резкой грани:
люди становятся богами, а боги превращаются
в людей.*

(«Афоризмы Муад'Диб»)

Затевая свой гибельный заговор, Скитале, лицедел тлейлаксу, не мог отделаться от прискорбного и неуместного сочувствия.

Без удовольствия обрекаю я Муад'Диб на горести и на смерть, говорил он себе.

Подобное благородство приходилось таить от соучастников. Впрочем, чувства эти всего лишь свидетельствовали, что, как и положено тлейлаксу, лицедел неосознанно отождествлял себя с жертвой, не с нападающими.

Погрузившись в безмолвное раздумье, Скитале держался поодаль. Прочие спорили о психическом яде. Разговор шел жаркий и колкий, но вежливый, в тоне безличного сопереживания, что подобает адептам великих школ, если речь идет об основных догмах.

— Когда вы сочтете, что проткнули его насквозь, — именно тогда обнаружится, что он даже не ранен!

Говорила старая Гайя-Елена Мохийам — Преподобная Мать ордена Бене Гессерит и хозяйка на Валлахе IX. Худая фигура старой ведьмы в черных

одеждах покоилась в плавающем кресле слева от Скитале. Откинутый на спину капюшон ее абы открывал морщинистое лицо под серебряной шапкой волос. Из глубоких глазниц на обтянутом кожей черепе остро блестели глаза.

Все говорили на языке мирабхаса. Гласные соединяли фаланги пригнанных друг к другу согласных. Этот речевой инструмент позволял передавать известные эмоциональные тонкости. Навигатор Гильдии Эдрик как раз сделал Преподобной Матери насмешливый словесный реверанс — очаровательный образец вежливой колкости.

Скитале поглядел на посла. Тот плавал в контейнере с оранжевым газом в нескольких шагах от лицедела. Контейнер располагался прямо в центре прозрачного купола, сооруженного Бене Гессерит специально для этой okazji. Гильдиер казался рыбой в водах странного моря. Удлиненная фигура его несколько напоминала еще человеческую, несмотря на перепончатые ступни и огромные мембраны ластообразных кистей. Клапаны бака попыхивали бледным оранжевым дымком, пахло гериатрической Пряностью, или меланжей.

— Если мы решимся идти этим путем, глупость погубит нас, — проговорила четвертая из присутствующих, пока еще только *потенциальная* союзница. «Принцесса Ирулан, жена — *всего лишь официально*, — напомнил себе Скитале, — их общего врага». Красавица стояла возле бака с Эдриком. Высокая и белокурая, в великолепном одеянии из голубого китового меха и изысканно подобранной шляпке. В ушах ее поблескивали золотые диски.

Держалась она с надменностью, как и подобает высшей знати, но сосредоточенная безмятежность ее свидетельствовала о самоконтроле, воспитанном Бене Гессерит.

От языковых и физиогномических нюансов мысли Скитале перешли к другим тонкостям — к месту, где они находились. Купол окружали холмы, покрытые подтаявшим снегом, в синих влажных лужах отражались лучи небольшого голубого солнца, медленно ползущего по меридиану.

Почему именно здесь? — раздумывал Скитале. Бене Гессерит ничего не делали случайно. Например, прозрачный купол выбран потому, что всякое замкнутое помещение могло бы вызвать у гильдие-ра нервозность. Подверженность Гильд-навигаторов клаустрофобии на любой планете объяснялась привычкой к просторам открытого космоса, в котором они обитали от самого рождения.

Но сооружать такое здание только для удобства Эдрика... впрочем, этот жест словно подчеркивал слабость Гильдии.

Так что же здесь, думал Скитале, припасено для меня?

— А вам, Скитале, разве нечего сказать? — удивилась Преподобная Мать.

— Вы хотите втянуть и меня в эту дурацкую болтовню? — спросил Скитале. — Отлично. Мы имеем дело с мессией... потенциальным. На такого не нападешь в лоб. Мученическая кончина его будет нашим поражением.

Взоры собравшихся были обращены на него.

— Вы видите опасность лишь в этом? — требовательно скрипучим голосом произнесла Преподобная Мать.

Скитале пожал плечами. Для этой встречи он выбрал простодушную круглую физиономию, жизнерадостную, с выпяченными губами, и пухлое тело. Внимательно приглядевшись ко всем остальным, он понял, что инстинктивно выбрал идеальное обличье. Только он один из присутствующих был способен изменять черты лица и телосложение. Человек-хамелеон, лицедел. Облик этот как бы позволял остальным относиться к нему свысока.

— Ну? — настаивала Преподобная Мать.

— Читайте, что молчание доставляло мне удовольствие, — произнес Скитале. — Оно лучше пустой перепалки.

Преподобная Мать откинулась назад; Скитале заметил, что она заново оценивает его. Все присутствующие глубочайшим образом были тренированы в прана и бинду, все умели управлять мышцами и нервами своего тела в недостижимой для простых людей мере. Но контроль лицедела Скитале над своим телом в такой же мере превосходил возможности собравшихся; к этому добавлялось особое симпатическое умение, глубокое проникновение мима — он умел имитировать не только внешность других людей, но и личность.

Позволив Преподобной заново приглядеться к нему и пересмотреть первоначальное впечатление, Скитале проговорил:

— Яд! — Слово это он произнес с обертонами, обозначавшими, что лишь он один, и никто более, понимает глубинный смысл этого слова.

Гильдиец шевельнулся, из шарика громкоговорителя, кружившего вокруг угла контейнера над головой Ирулан, послышался его голос:

— Но мы ведь говорим о *психическом* яде, не о физическом.

Скитале рассмеялся. В мирабхаса смех означает полное изничтожение оппонента, но он не старался сдерживаться.

Ирулан с тонким пониманием усмехнулась, но сужившиеся глаза Преподобной Матери говорили о зарождающемся гневе.

— Немедленно прекратите! — резко приказала она.

Скитале умолк, но теперь внимание всех было привлечено к нему: Эдрик сердито молчал, Преподобная Мать гневалась и приглядывалась, озадаченная Ирулан казалась заинтересованной.

— И как это друг наш Эдрик осмелился предположить, — начал Скитале, — что двое ведьм-гессериток, посвященных во все тайные козни Ордена, не освоили до тонкости искусства обмана?

Мохийам отвернулась и стала смотреть на стильные холмы родной планеты сестер Бене Гессерит. «Начинает понимать, — подумал Скитале. — Хорошо. Ирулан — дело другое...»

— Так вы с нами, Скитале, или же нет? — спросил Эдрик, поглядывая на него своими крошечными красными крысиными глазками.

— Дело не во мне и не в моем участии, — произнес Скитале, не отводя глаз от Ирулан. — Вы, принцесса, сейчас размышляете о том, стоило ли проделать столь дальний путь и подвергаться такому риску.

Соглашаясь, она кивнула.

— И все, чтобы обменяться банальностями с гуманоидной рыбой и поспорить с жирным лицом-тлейлаксу.

Покачав головой, она шагнула прочь от угла емкости, в которой шевелился Эдрик, — подальше от слишком уж густого облака испарений меланжи. Воспользовавшись удобным мгновением, Эдрик отправил в рот очередную таблетку. «Ест Пряность, дышит ею... и еще пьет ее», — подумал Скитале. Он понимал, что это неизбежно — Пряность обостряет восприятие навигатора, позволяет ему водить лайнеры Гильдии на сверхсветовых скоростях. Обостренным Пряностью внутренним оком навигатор должен отыскать такое будущее, в котором кораблю не грозит беда. Но теперь Эдрик чувствовал иную опасность, против которой бессильно даже предвидение, — привычный костыль навигатора.

— Похоже, я напрасно прилетела сюда, — произнесла Ирулан.

Преподобная Мать повернулась и открыла глаза, сделавшись вдруг странно похожей на ящерицу.

Скитале перевел взгляд от Ирулан в сторону навигатора, приглашая принцессу разделить его точку зрения. Эдрик должен казаться ей отвратительным, Скитале видел это: и дерзкий взгляд навигатора, и его руки и ноги чудовища... посреди

клубов оранжевого газа. Не говоря уже о его сексуальных наклонностях — нелегко, должно быть, сочетаться с таким существом, партнершу оттолкнет уже генератор поля, создавший для Эдрика невестомость.

— Принцесса, — произнес Скитале, — Эдрик с нами, а потому пророческое око вашего мужа станет менее зорким. Мы надеемся, что даже этот разговор избегнет его внимания.

— Надеемся, — подчеркнула Ирулан.

Преподобная Мать кивнула и сказала, вновь прикрыв глаза:

— Даже сами посвященные плохо понимают природу собственного предвидения.

— Я Полный Гильд-навигатор и обладаю всей положенной силой.

Преподобная открыла глаза. На этот раз она с характерным для сестры Бене Гессерит напряженным вниманием прошупывала лицедела взглядом. Она взвешивала в нем все до последней малости.

— Нет, Преподобная Мать, — вкрадчиво сказал Скитале, — я не столь прост, как мое обличье.

— Мы не понимаем природы второго зрения, — произнесла Ирулан. — Здесь есть один момент. Эдрик утверждает, что мой муж не может видеть, знать и предвидеть всего, в чем участвует навигатор. Но как далеко распространяется влияние гильдийца?

— Во Вселенной есть вещи и существа, которые проявляются для меня лишь в последствиях своего бытия, — проговорил Эдрик, и его узкий рыбий рот сжался в тонкую линию. — Я знаю, где они были...

тут... там... где-нибудь еще. Как водные жители тревожат спокойные воды, так и пророк мутит время. Я знаю, где бывал ваш муж, но никогда не видал ни его самого, ни людей, по-настоящему преданных ему, разделяющих его цели. Таким покровом адепт закрывает своих друзей от других провидцев.

— Но Ирулан-то не принадлежит к числу ваших сторонников, — отвечал Скитале, глянув искоса на принцессу.

— Но всем понятно, что заговор может состояться только в моем присутствии, — настаивал Эдрик.

В интонации, используемой мирабхаса для описания механизмов, Ирулан произнесла:

— Это вполне очевидно; всему находится применение.

Неплохо! Она поняла, что от навигатора много не получишь, подумал Скитале.

— Будущее можно изменить, — сказал он, — не забывайте этого, принцесса.

Ирулан бросила взгляд на лицедела.

— Люди, преданные Паулю и разделяющие его цели, — проговорила она, — фримены из его легионов, вот кто эти люди! Я видела, как он пророчествовал перед ними, слышала их восторженные вопли: «Махди! Муад'Диб!»

Она поняла, подумал Скитале, что предстала перед судом и наш приговор может погубить ее или сохранить ей жизнь. Наконец-то она увидела ловушку, расставленную нами.

Взгляд Скитале на мгновение встретился с глазами Преподобной Матери, и он почувствовал стран-

ную уверенность, что и она разделяет его мнение об Ирулан. Гессеритки, конечно же, накачали свою принцессу нужными знаниями, придумали ей и ложь во спасение. Но какими бы подробными ни бывали инструкции Ордена, всегда наступал такой миг, когда сестрам Бене Гессерит оставалось полагаться лишь на собственную подготовку и инстинкты.

— А я, принцесса, прекрасно знаю, чего вы добиваетесь от Императора, — заметил Эдрик.

— Кто же не знает этого? — возразила Ирулан.

— Вам хотелось бы основать новую династию, — продолжал Эдрик, словно бы не слыша ее. — Но этого не будет, если вы не примкнете к нам. Даю вам слово пророка. Император вступил в брак с вами из политических соображений, но вы никогда не делили с ним ложе.

— Так пророк еще и любитель подглядывать за постельными сценами? — отпарировала Ирулан.

— Кто не знает, что Император неразлучен со своей наложницей-фрименкой, чего не скажешь о его отношениях с супругой-принцессой, — отрезал Эдрик.

— Но она никак не может родить ему наследника, — возразила Ирулан.

— Рассудок всегда покоряется эмоциям, — пробормотал Скитале. Чувствуя приближение гнева Ирулан, он постарался, чтобы его предостережение возымело эффект.

— И она не принесет ему наследника, — с выверенным спокойствием в голосе произнесла Ирулан, — потому что в пищу ей тайно подмешивают